

О погибших произведениях Гаршина

Журнал «Голос Минувшего» 1914 № 3 март.

(Письмо в редакцию).

В № 7 «Голоса Минувшего» за 1913 г., в письме в редакцию Л. Ф. Пантелеева («Дополнение к статье «Новое о Гаршине») имеется следующее замечание по моему адресу: «К сведению г. Дурылина, по наведенным справкам у вдовы, Н.М. Гаршиной, оказывается, что ей решительно неизвестно, чтоб Гаршин в болезненном состоянии уничтожил какие-нибудь свои рукописи». Это замечание вызвано моей статьей «Погибшие произведения Гаршина», помещенной в «Русских Ведомостях» (№ 70) и в значительной части цитованной в «Голосе Минувшего» (№ 5, статья Н. Л. Бродского «Новое о Гаршине»), и, главным образом, моей фразой: «В один из острых приступов болезни он сжег рассказ (рассказ с фантастическим сюжетом, написанный в 1887 г.)».

Как человеку, в течение 8 лет работающему над биографией Гаршина, мне дорого и важно выяснить справедливость замечания Л. Ф. Пантелеева, опирающегося на справку у Н. М. Гаршиной. Близкий друг Гаршина, недавно скончавшийся, В. А. Фаусек в своих известных воспоминаниях «Памяти В. М. Гаршина» (Сборник «Памяти Гаршина» Спб. 1889), на стр 116—118, подробно передает содержание упомянутого рассказа со слов самого В. М.-ча, с выпиской из его письма, где упоминается о рассказе, — и заключает свой пересказ следующими словами: «Вообще, это была вещь в высшей степени оригинальная. Он (В. М. Гаршин) написал ее в июне, кажется, всего в несколько дней, а когда заболел, то сжег рукопись, и теперь, рассказывая мне, глубоко сожалел об этом, и говорил, что не сможет уж вновь написать позднее, «когда поправится». Этот рассказ Фаусека не был никогда опровергнут ни Н. М.-вной, ни Е. М. Гаршинами, и вообще осведомленность и точность всех показаний Фаусека стоят вне всяких сомнений, так как покойный Фаусек был один из ближайших людей В. М.-ча и писал свои воспоминания тотчас после смерти Гаршина (Гаршин умер 2-го марта 1888 г., цензурное разрешение сборника «Памяти Гаршина» помечено 29 ноября того же года). Основываясь на этом рассказе Фаусека, я имел и имею полное основание утверждать, что В. М.-ч «в один из острых приступов болезни сжег рассказ».

О судьбе романа «Петр I» я пишу только: «мы не знаем, что случилось с «Петром»; но безразлично, истребил ли его Гаршин, или отрывки сохранились в его бумагах у Н. М. Гаршиной, — мы никогда не прочтем их: по воле Гаршина, все его бумаги, хранящиеся у его жены, должны быть ею сожжены и обнаружению ни в каком случае не подлежат». Основание для такого утверждения я получил в письме ко мне Н. М. Гаршиной (от 3 марта 1910 г., из Смоленска), в котором читаем «В. М.-ч ясно и решительно выражал свою волю, чтобы ни письма его, ни черновики, ни ²⁾ заметки никогда не появлялись в печати... Для меня воля покойного священна;.. Я исполняю лишь то, что завещал мне исполнить мой покойный муж. Разделяя вполне его взгляд относительно неприкосновенности непредназначенных им для печати рукописей, я держусь того же взгляда и относительно личных воспоминаний».

***) Курсив мой.**

***) Курсив мой, здесь и далыне.**

Наконец, о третьем из рассматриваемых мною «погибших произведений Гаршина», о сказке про фиалку, я говорю лишь *предположительно и условно*: «сохранились сведения об одной сказке, которую Гаршин хотел написать, но или не написал вовсе, или уничтожил написанное». Из осторожности в своей статье я не упомянул вовсе о произведении Гаршина, которое, *возможно*, было им истреблено во время болезни 1880 г. — о «Людях и войне». Однако, о нем сам Гаршин пишет: «написано у меня (вполне) их [печатных листов. С. Д.] уже 6—7, а

заготовлено на клочках всего с написанным до 15» (Сб. «Памяти Г-на», стр. 35), а первый биограф Гаршина, Я. В. Абрамов, делает к этому примечание, опять-таки ничем не опровергнутое: «К сожалению, во время дальнейшего безумия В. М. все, написанное им, погибло бесследно». Я не считал возможным включить «Люди и война» в число *погибших* произведений именно потому, что, вопреки прямому свидетельству самого Гаршина, склонен разделять предположение Абрамова: «может быть, впрочем, сообщения В. М. о написанном им были просто продуктом больной фантазии».

На основании всего изложенного, думаю, что имел и имею полное основание, вопреки замечанию Л. Ф. Пантелеева: 1) одно произведение Гаршина — фантастический рассказ — считать сожженным им, 2) другое — «Петр» — или истребленным, или подлежащим истреблению и 3) о третьем — сказке о фиалке — делать предположения, лишь одно из которых указывает на *возможность* истребления сказки Гаршиным.

С. Дурьлин.